

наутро Король, — этот человек охулки на руку не кладет. Он не упустит случая заработать, а это — верное средство разбогатеть».

Какой-то представитель Третьего сословия, опустившись на колени, дабы обратиться к Королю с речью, наткнулся на острый камень, причинивший ему столь сильную боль, что он крикнул: «Ядрена вошь!». Король, рассмеявшись, сказал ему: «Отменно! Вот самое лучшее, что вы могли сказать. Не нужно никаких речей; вы только испортили начало».

Однажды прислуживавший ему за столом дворянин вместо того, чтобы вышить пробу вина, как обычно, из крышки кубка, замечтавшись, вынул содержимое кубка; Король только и сказал ему: «Вы бы хоть за мое здоровье выпили, тогда вас можно было бы еще оправдать».

Раз Королю сообщили, что герцог де Гиз,¹⁴ ныне покойный, любит г-жу де Верейё; он на это и ухом не повел и лишь заметил: «Надо же оставить им хоть хлеба краюху да добрую шлюху; и без того у них много чего отняли».

Проезжая как-то через деревню, где ему пришлось остановиться, чтобы пообедать, Король велел позвать какого-нибудь местного жителя, который слыл первым острословом. Ему сказали, что есть де такой, по прозвищу Забавник. «Так ступайте за ним!». Когда крестьянин пришел, Король велел ему сесть напротив себя, по другую сторону стола, за которым обедал. «Как тебя звать?» — спрашивает Король. «Да меня, государь, Забавником кличут». — «А далеко ли от бабника до забавника?». — «Да меж ними, государь, только стол стоит», — отвечает крестьянин. «Черт подери! — рассмеялся Король. — Вот уж не думал найти в такой маленькой деревушке такого большого острослова».

Когда он пожаловал цепь г-ну Ла-Вьевиллю, отцу того самого де Ла-Вьевилля, который дважды был суперинтендантом,¹⁵ тот, как это полагается, сказал ему: *Domine, non sum dignum*.¹⁶ «Я это знаю, — отвечал Король, — да меня племянник просил». Племянник этот был г-н де Невер, впоследствии герцог Мантуанский, у которого Ла-Вьевиль, незнатный дворянин, был дворецким. Ла-Вьевиль рассказывал об этом сам, опасаясь, быть может, как бы этого не сделал кто-нибудь другой, ибо был отнюдь не глуп и слыл любителем острых шуток.

Рассказывают, будто он посмеялся над неким удалцем, близким ко Двору, и этот удалец послал ему вызов на дуэль; тот, кто передал вызов Ла-Вьевиллю, добавил, что поединок назначен на завтра, в шесть часов утра. «В шесть?» — переспросил Ла-Вьевиль. — «Да я и по собственным делам так рано не встаю, стану я подниматься с петухами ради вашего приятеля». Так посланец от него ни с чем и ушел. Ла-Вьевиль тотчас же отправился в Лувр и первым рассказал там обо всем; и, поскольку шутники были на его стороне, тот удалец остался в дураках.